Текст · 16 апреля 2024, 11:04
Анна Павлова,

Обвинение со звездочкой. Год назад россияне похитили мелитопольца, когда он вышел в магазин — теперь его обвиняют в попытке устроить теракт

Украинец Константин Зиновкин из Мелитополя выступал с танцевальными номерами в Китае, откладывал деньги на собственный бизнес и мечтал вместе с женой разбить сад с фруктовыми деревьями на даче. Но после начала войны эти планы рухнули: его мастерскую в оккупированном городе разграбили, а самого Зиновкина в мае прошлого года похитили возле дома и отправили под арест. Найти его родные смогли только после того, как мужчина попал в список Росфинмониторинга; его фамилия отмечена звездочкой, а это значит, что у властей есть «сведения о причастности» Константина к терроризму. Теперь Зиновкина перевозят из одного следственного изолятора в другой, а он как может успокаивает и подбадривает семью в письмах из СИЗО.

«Сейчас имею колоссальный запас свободного времени. Отдыхай — не хочу. В мыслях и воспоминаниях нет ограничения. Развлекаю себя как могу и другим стараюсь не давать унывать. В общем, стараюсь убедить себя, что я сейчас отдыхаю, так как по выходу будет много работы», — пишет родным из СИЗО мелитополец Константин Зиновкин.

Около года назад, в мае 2023-го, Константина похитили российские силовики, когда он вышел из

дома в магазин. Позже его обвинили в подготовке теракта.

Сначала Зиновкина держали в изоляторе в родной Запорожской области, потом перевезли в оккупированную часть Херсонской, теперь же он в Мариуполе. Родным все время приходится выяснять, куда его отправили на этот раз. Поэтому то, что ему разрешают писать письма, они уже считают чудом.

На момент начала российского вторжения в Украину жена Константина, Люсьена Зиновкина, была в Киеве, сам он оставался дома. В затяжную, полномасштабную войну Люсьена с мужем не верили до последнего. Даже когда 24 февраля 2022 года Россия начала обстреливать украинские города ракетами, супруги надеялись, что стороны смогут договориться — «отмотать назад», говорит Зиновкина.

«Мы разговаривали с Костей по телефону, и в Киеве, просто в соседнем районе, я вижу прилеты и дым. И Костя такой: "Люсь, Люсьен, не волнуйся, это просто провокация, это не война". Он меня успокаивал. Наверное, просто отрицали эту реальность, чтобы защитить свою психику», — рассуждает она теперь.

В первые же часы войны по авиабазе в Мелитополе нанесли ракетный удар, а уже на следующий день бои начались в самом городе. И хотя тогда у Константина еще была возможность уехать, он остался присматривать за матерью и лежачей бабушкой. 1 марта этот город на юге Запорожской области был полностью оккупирован. Пара решила, что Люсьене лучше не возвращаться.

«Я на всю жизнь запомню слова Кости: "Умножаем шансы на выживание вдвое. Если мы будем в разных местах, то больше шансов выжить как минимум у одного"», — говорит она. Вместе с другими киевлянами в первые дни войны Люсьена пряталась от обстрелов на станциях метро. В конце февраля 2022-го она эвакуировалась в Германию.

Танцы в Китае и своя мастерская. До войны

Константину Зиновкину 34 года, Люсьена на три года младше. С Константином они познакомились в 2012 году, а через три года сыграли свадьбу.

Константин Зиновкин. Фото: семейный архив

У Зиновкина инженерное образование, Люсьена — психолог и социальный педагог, но несколько лет они работали танцорами и ездили с разными программами в Китай. «Костя вообще с четырех лет ходил на народные танцы. Я больше как любитель, но тоже неплохо получалось, — рассказывает Люсьена. — Это было интересно, мы были молоды, и нам хотелось путешествовать и подзаработать. Мы танцевали абсолютно все: и народное, и эстраду, даже бальную программу. Мы работали с ребятами из России, Беларуси, в нашем коллективе было 70 человек».

В 2014 году, когда Россия захватила и аннексировала Крым, а в Донбассе начались бои и появились

самопровозглашенные ДНР и ЛНР, Зиновкины тоже были в Китае, поэтому эти события прошли немного мимо них, говорит Люсьена.

«Мне настолько стыдно перед самой собой и перед своими соотечественниками... Мы просто не поняли, что произошло, — признается она. — Я сейчас об этом думаю: как мы были настолько равнодушны? Это же было совсем около нас, под носом буквально. У нас были знакомые из Донецкой области, которые после оккупации в 2014-м остались там жить. Мы, конечно, не понимали, почему они выбрали ту сторону, если можно так сказать. И сейчас в Мелитополе остаются люди, кто не поддерживает этого всего, но продолжает там жить. Потому что там их жизни, не каждый готов все это бросить».

Между поездками в Китай Зиновкин потихоньку обустраивал металлообрабатывающую мастерскую, на которую откладывал заработанные деньги: он выкупил два гаража, начал в них ремонт, купил и усовершенствовал первый станок, а затем и второй.

Из-за коронавируса супруги не смогли получить визы в Китай и стали искать другую возможность заработать. В 2021 году они поехали на полгода в Шотландию работать на сборе клубники и домой вернулись в декабре, за пару месяцев до начала вторжения. Тогда же Люсьена решила поступить в театральную школу в Киеве.

«Я, наверное, была в поиске себя», — объясняет она. Курсы должны были длиться не один месяц, поэтому Зиновкины решили снять там квартиру и жить на два города. Они вместе съездили в Киев, нашли жилье, а

потом Константин вернулся домой — заработанных во время поездки в Шотландию денег как раз хватило, чтобы он наконец открыл мастерскую.

Стать невидимкой. В оккупации

Свой бизнес, в который было вложено столько сил, Зиновкин так и не запустил — ждал, пока город освободят, и жил на сбережения. Люсьене он рассказывал, что поддерживает порядок в мастерской, ездит на дачу, где сажает деревья — в планах у супругов был свой сад, и составляет схемы, куда какой сорт он посадил. Так он пытался чем-то себя занять, чтобы не сойти с ума, объясняет жена Константина.

«В первые недели люди еще не осознавали, не понимали, они, наверное, думали, что голыми руками смогут выгнать российские войска из города, и выходили на митинги. Костя, конечно, тоже принимал участие, — говорит Люсьена. — Но потом, как только это стало небезопасно, как только начали стрелять и арестовывать активистов, все прекратилось. И, соответственно, Костя тоже перестал это делать».

В это время город был заполнен российской военной техникой и солдатами, которые в любой момент могли остановить любого мелитопольца — неважно, едет он на машине, велосипеде или идет куда-то пешком, — а потом потребовать документы, залезть в телефон и устроить допрос.

Константин Зиновкин. Фото: семейный архив

«Кого-то отпускали, кого-то сразу забирали в пыточные, — рассказывает Зиновкина. — Первое время город вообще был пустой. Мне кажется, люди просто сидели по домам, потому что всем было страшно. Потом пошла такая тенденция, не хочу сказать, что многие, но есть люди, которые охотно коллаборируют с оккупационной властью. И они, чтобы выслужиться, готовы заложить соседа или знакомого. То есть такая максимально нездоровая атмосфера, как будто бы при каком-то режиме тоталитарном».

Внешне захваченный город тоже изменился: с улиц быстро исчезли украинские флаги и все заполонили российские триколоры, пропагандистские плакаты и билборды, которые возвещали, что Мелитополь — «исконно русская земля».

Первый год, по словам Зиновкиной, все родственники мужа старались как можно меньше покупать российскую продукцию: у них было запасено много бытовой химии и лекарств, купленных еще до вторжения. Потом деваться было уже некуда. К тому

же бабушка Константина пережила инсульт, и ей постоянно требуются таблетки от давления.

Мать Люсьены тоже осталась дома, она так и живет в пригородном поселке. Сестра девушки смогла выехать, сейчас она с сыном тоже в Берлине. Туда же совсем недавно приехала сестра Константина с семьей; они прожили под оккупацией почти два года и с большим трудом прошли фильтрацию при выезде, потому что не стали отказываться от украинских паспортов и брать российские.

«Просто все превратилось в мир, который вообще не должен существовать в принципе, — говорит Люсьена. — И если ты с этим не согласен, ты к этому никогда не привыкнешь. Но приходится чуть-чуть жить по их правилам: меньше передвигаться, чтобы себя обезопасить, не брать с собой телефон, чтобы меньше вопросов возникало. Максимально быть незаметным, невидимкой, минимизировать вообще любые контакты».

Похищение, поиски и обвинение в теракте. В СИЗО

12 мая 2023 года Константин вышел в магазин за продуктами, дома оставалась его мать. Минут через пятнадцать в их квартиру пришли трое мужчин в балаклавах, дверь они открыли сами — ключами, которые забрали у Зиновкина, пересказывает Люсьена воспоминания свекрови.

Не представившись и не объяснив, кто они, мужчины сказали матери Константина, что ее сын задержан

за нарушение режима. Они заверили, что скоро его отпустят, и после этого обыскали квартиру.

«В пух и прах нашу комнату разнесли. Они забрали системник от компьютера, все деньги, которые нашли, все наши документы, ключи. Ружье охотничье, которое осталось в наследство от отца, было оформлено и хранилось в сейфе, тоже забрали», — рассказывает Люсьена.

В тот день мать Зиновкина забрали в комендатуру, продержали там пару часов и отпустили. Сам Константин домой так и не вернулся. Люсьене о том, что ее муж пропал, сообщили только на следующий день.

В последующие дни в комендатуре родственников Константина уверяли, что мужчину не задерживали и к ним не привозили. «После этого начался ужас. Мама Кости фактически каждый день ходила по всем инстанциям. Приходишь в комендатуру — тебе говорят: "Идите в полицию". В полиции говорят: "Идите в Росгвардию", а оттуда посылают снова в комендатуру, и так по кругу», — вспоминает Люсьена.

Заявление о пропаже Зиновкина приняли только через две недели. Его дом обыскивали еще несколько раз, причем семья считает, что иногда силовики приходили, когда в квартире никого не было. «Ключи, напомню, у них были. Они то куртку какую-то искали, то бинокль, то еще что-то. Короче, вообще какие-то рандомные вещи, постоянно что-то выискивали», — говорит девушка.

Вскоре после исчезновения Зиновкина его мастерскую разграбили — семья мужчины уверена, что это сделали российские силовики, у которых были ключи в том числе и от гаража.

Около двух месяцев родные Константина не знали, что с ним. Наконец в июне к матери Зиновкина пришли два следователя. Представляться они тоже не стали, но хотя бы не скрывали лица под масками и объяснили, что работают в СК, отмечает Люсьена. Они сообщили женщине, что ее сына задержали по подозрению в подготовке теракта и он уже дал признательные показания, что собирался подорвать какого-то человека — кого и почему, они так и не объяснили. Зато стало известно, что Константина держат в СИЗО в Приазовском, поселке недалеко от Мелитополя.

«Они сразу предупредили, что ездить туда не нужно, ее все равно не примут, — говорит Люсьена. — Но мама никого не послушала». На следующий день ее свекровь собрала сумку с вещами и едой и отправилась в поселок на автобусе. Сотрудники СИЗО нашли Константина в списках арестованных. «Мы не верили своему счастью, что мы наконец нашли его», — вспоминает его жена.

Встретиться с сыном матери Зиновкина не дали, но приняли у нее еду и одежду, а от Константина передали записку. На клочке бумаги он написал, что с ним все в порядке, и спросил, «все ли в порядке у Саши» — так зовут мужа сестры Константина, рассказывает Люсьена. Почему Зиновкин спрашивал именно о нем, никто не знает.

«Почерк был его, но там была куча ошибок, куча исправлений. Я думаю: боже мой, что с его мозгами, наверное, отбиты вообще напрочь, — говорит она. — То есть там видно, что как будто бы голова не очень работает. И мы рады были этой записке. А с другой стороны, мы смотрим на эти ошибки, и нам страшно становится». Мать Константина съездила туда еще дважды, и в последний раз ей сказали больше не приезжать, потому что его «переводят на Чонгар».

Чонгар — село на Чонгарском полуострове между материковой частью Украины и аннексированным Крымом. Административно оно относится к Херсонской области, в 2022 году его тоже оккупировали. В начале лета прошлого года украинский омбудсмен сообщил, что российские силовики создали там тайную тюрьму, где держат похищенных украинцев.

«То есть все уже знали, что там сидят украинцы, но Россия не признавала, что там есть СИЗО. По сути, туда поехать было невозможно», — объясняет Зиновкина.

В конце июня Константина внесли в список Росфинмониторинга. Его фамилия отмечена звездочкой, а это значит, что против него возбудили дело по террористической статье. Люсьена написала в ведомство и получила ответ, что основанием для этого стало уголовное дело о покушении на совершение теракта (часть 3 статьи 30, пункт «а» части 2 статьи 205 УК), которое возбудил созданный оккупационными властями Следственный комитет Запорожской области.

Зиновкина принялась отправлять запросы в российские ведомства, в Крым и даже в самопровозглашенные ДНР и ЛНР. И неожиданно это сработало: запрос в Крым перенаправили в созданную Россией прокуратуру по Запорожской области. Там подтвердили, что Константин стал обвиняемым по уголовному делу, его арестовали 1 июня 2023 года и поместили в СИЗО № 2 УСИН по Херсонской области (ее оккупированной части) — в тот самый изолятор в Чонгаре.

Шахматы и кипяток два раза в день. Письма из тюрьмы

С августа мать Константина стала ездить в Чонгар с передачами сыну. Невестке она рассказывала, что в СИЗО все зависит от того, какой сотрудник попадется: один может покрошишь конфеты, раскромсать огурцы, сбросить еду в один пакет, «как свиньям», и так передать; другой принимает все аккуратно и спокойно указывает, если что-то передавать нельзя.

«А потом в конце августа мама нашла в почтовом ящике письмо от Кости. У меня аж мурашки, как вспомню, — рассказывает Люсьена. — Он написал, что открыто дело, но никаких подробностей. Написал: "Не волнуйтесь, нас кормят и дают много хлеба, даже два раза в день кипяток". Еще он написал адрес СИЗО и попросил вкладывать в письма пустой конверт».

После этого мать Константина начала писать ему постоянно, но ответов долго не было. В ноябре она сходила на почту и узнала, что письма приходят, но

их почему-то сбрасывают в общий домовой почтовый ящик, которым давно никто не пользуется.

«Она заплакала, понеслась домой, стала искать старшего по дому, чтобы открыть этот ящик — и оттуда три письма Костиных выпадают. И он, видно, понимал, что она их не получала. Я представляю его состояние, — вспоминает Люсьена. — В общем, махом все письма его получили. Мы там обрыдались».

Зиновкина передала «Медиазоне» несколько отрывков из писем мужа.

«Очень необычно быть в информационном вакууме в XXI веке. В тот момент, когда каждый час что-то происходит, информация заменяется фантазией, логикой, верой. В общем, новый опыт. В целом новый опыт очень красочной жизни. Хочу красиво описать: без темных красок не будет контраста, на котором можно на полную ощутить яркость светлых тонов», — пишет Константин в одном из писем.

«Рад слышать про Люсины успехи. Спасибо, что поддерживает вас. Спасибо за приветы от друзей. Вы крутые! Мама, Оксана, все-все — вы супер! Всем огромный привет! Я чувствую поддержку каждого из вас и знаю, что все будет хорошо. Когда и как, не знаю. Но это будет», — успокаивает он родных в другом письме.

«Я понимаю, что он пытается написать самое приятное для нас, — говорит Люсьена. — Он же не будет рассказывать какие-то нюансы. Перечисляет, что было в передачке, просит, если что-то нужно, например, "передай, пожалуйста, еще тетрадку

для писем" или "одежду пока не передавай". Мы вегетарианцы, но когда он туда попал, я думала: "Боже мой, хоть бы Костя там начал есть все подряд". Потому что, ну, извините, в тюрьме не повыделываешься. И он такой пишет: "Увы, когда меня взяли, начал есть мясо, так что колбасу уминал за обе щеки". И мы такие: ура! И вот радуемся каким-то таким вещам, которые в нормальной жизни казались бы абсурдными».

В одном из писем Константин упомянул, что в середине октября «давал интервью российскому военкору». «Скорее всего, будет подано в максимально невыгодном свете для меня. Но это такое. Зато было интересно побеседовать», — отметил он. Видео с Зиновкиным действительно показали в программе пропагандиста Дмитрия Киселева «Вести недели» на канале «Россия-1». В нем не уточняют деталей дела мелитопольца, но называют его «подрывником».

Фото: скриншот видео канала «Россия-1»

На видео Константин сидит в клетке, беседующий с ним корреспондент программы Сергей Зенин — снаружи за столом. «Он — зомби, — говорит закадровый голос. — Он уверен, что Россия в 2014-м захватила Донбасс, что в течение девяти лет ни Донецк, ни Луганск, ни другие города региона не подвергались ежедневным артобстрелам со стороны Украины. Он называет свою страну независимой,

не сомневается в том, что западное оружие — это братская помощь».

«По сути, нам это помогло, потому что у нас наконец-то появились первые видеодоказательства того, что Костя в плену», — говорит Люсьена.

В письмах Константин рассказывает, что люди в СИЗО стараются помогать друг другу, это его «удивляет и радует одновременно»; пишет, что в заключении пытается больше читать и играет в шахматы. Он также упоминает, что судить его, вероятно, будут в Ростове-на-Дону.

По словам Зиновкина, Россия предоставила ему адвоката, и он просит не искать ему другого — адвокаты все равно «ничего не решают». Родных он призывает не «поощрять» и назначенного защитника, потому что «нечем и не за что»: «Как я понимаю, попав сюда, я потерял все свои и Люсины материальные блага, в том числе и твои, мама, сбережения».

Некоторое время адвокат Константина отвечал на вопросы Люсьены, когда она спрашивала об очередном продлении ареста ее мужу. Для этого Константина раз в три месяца привозили в Мелитополь. Пользуясь случаем, родные Зиновкина приносили ему передачки. А два раза — в октябре и январе — матери даже удалось увидеться с сыном, буквально на три минуты.

«Костя сидел в клетке. Он всегда был показательно спокоен, потому что мама начинала плакать, — говорит Люсьена. — Он говорил ей: "Все хорошо, не

волнуйся". И говорил ей, чтобы она не касалась его, потому что это запрещено. Он хотел ее обезопасить, потому что, видимо, знает, на что они способны. Единственное, он просил адвоката сообщить нам какие-то детали дела, потому что мы же ничего не знаем. Но тот сказал, что нельзя».

В январе Зиновкину продлили меру пресечения до 29 апреля. А после этого адвокат Константина перестал отвечать его жене на сообщения.

Немного узнать о муже Люсьена смогла от другого украинца, освободившегося из-под ареста — очень редко, но такое все же случается, говорит Зиновкина.

«Он мне говорит: "Вы не волнуйтесь, Костя держится. Самое ужасное уже позади. Ты когда туда попадаешь, у тебя выбор: либо ты умираешь, тебя убивают, либо ты выбираешь жить и делаешь то, что они хотят. И Костя выбрал жизнь, и самые страшные пытки уже позади. Он справился, он выдержал". И говорит, что Костя камеру держит на позитиве, душа компании. Еще сказал, что действительно более-менее нормально кормят. Но нет прогулок, а в камере по пять-шесть человек».

В марте стало известно, что Зиновкина перевели в СИЗО оккупированного Мариуполя — родные получили оттуда два письма от него. Недавно мать отправила ему посылку с продуктами, но сама туда не ездила и не будет: дорога долгая и опасная, да и бабушку нельзя так надолго оставлять одну.

«Кажется, цензура там намного сильнее, поэтому Костя пишет коротко и сухо, — говорит Люсьена.

— Но слава богу хоть так! Мы тоже пишем, но непонятно, получил ли он хоть одно. До конца апреля в Мариуполе, потом, по идее, снова в Мелитополь привезут для заседания. Что дальше — непонятно, снова будет задачка со звездочкой».

Редактор: Мария Климова